

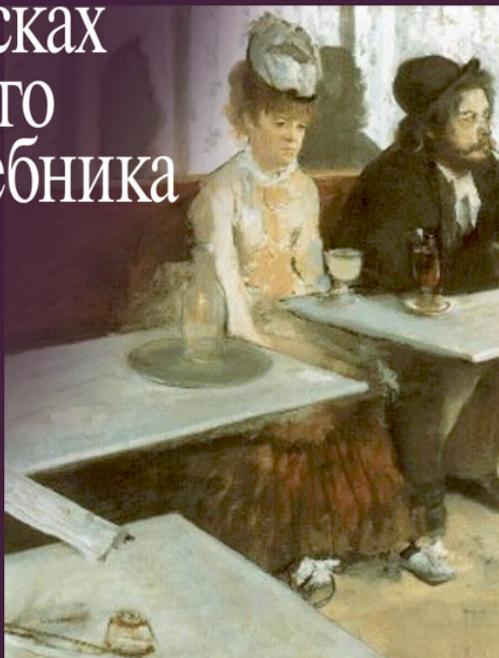

АНГЛИЙСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

Джеймс Холлис

Грезы об Эдеме

В поисках
доброто
волшебника

Джеймс Холлис
**Грезы об Эдеме. В поисках
доброто волшебника**
Серия «Юнгианская психология»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7956382

*Холлис Джеймс Грезы об Эдеме: В поисках доброго волшебника:
Когито-Центр; Москва; 2009
ISBN 978-5-89353-239-5*

Аннотация

Книга «Грезы об Эдеме» заставляет нас задуматься над фантазиями о человеческих отношениях, которыми пропитана любая культура. Это вовсе не практическое руководство на тему, как устанавливать отношения. Цель автора – повысить личную ответственность каждого за отношения, в которые он вступает. Это призыв к индивидуальному развитию в противовес поиску спасения за счет других.

Книга будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Содержание

Предисловие автора к русскому изданию	5
Предисловие: кардинал за моим окном	9
Введение	12
Глава 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Джеймс Холлис

Грезы об Эдеме. В поисках добрého волшебника

*Посвящается, как всегда, нашим детям:
Тарин и Тиму, Джонах и Сих, и Николасу
Джеймсу – с благодарностью.*

*А также моим коллегам из Филадельфийского
института Юнга*

*И замечательным людям из Юнговского
образовательного центра г. Хьюстона, Техас*

James Hollis

THE EDEN PROJECT

In Search of the Magical Other

© 1998 by James Hollis

© «Когито-Центр», перевод на русский язык,
оформление, 2009

Печатается с разрешения City Books.

Все права защищены. Любое использование
материалов данной книги полностью или частично без
разрешения правообладателя запрещается.

Предисловие автора к русскому изданию

В так называемые Средние века коллективная фантазия о рае по существу стала компенсацией тех жестких, а иногда просто бесчеловечных условий, в которых людям приходилось постоянно заниматься тяжелым трудом, чтобы просто выжить. Если жизнь была такой невыносимой «здесь», значит, она обязательно должна была стать лучше «где-то там». Сегодня условия жизни в западном мире относительно комфортны по сравнению с теми тяжелыми временами. Хотя мы не достигли «рая для работающих людей», мы все же оказались к нему намного ближе, чем могли себе представить наши предки. Однако при всем этом благополучии и даже изобилии, имея возможность путешествовать по миру, получать любую информацию, покупать в магазине любые вещи и продукты вместо того, чтобы постоянно бороться за свое существование, почему мы все же несчастливы? Может быть, иллюзией является само представление о счастье?

Взглянув объективно на психику современного человека (в переводе с греческого «психе» означает «душа»), мы поймем, что материальное благополучие и изобилие ничего не говорят о глубине его внутреннего мира. Даже удовлетворив свои потребности, то есть обладая желаемой вещью, властью,

деньгами, социальным статусом, мы осознаем, что удовлетворение, которое они приносят, оказывается очень кратковременным, ибо глубинные потребности нашей души – в поиске смысла жизни, в близости с другими людьми и в постоянном снятии с нее ограничений – не находят своего удовлетворения.

В результате глубокая пропасть между материальным благополучием и жадной тоскующей человеческой души отчасти заполнилась идеей романтической любви, фантазией о поиске человека, который придаст бы смысл нашей жизни и деятельности и удовлетворит бы наши глубинные потребности. Романтическая любовь стала неким подобием безусловной и непререкаемой идеологии и приобрела почти религиозный смысл.

На английском языке слова *любовь* (*love*) и *влюбленность* (*being in love*) пишутся и звучат почти одинаково, поэтому люди их часто путают, и эта путаница приводит к плачевным результатам. В этой книге я пишу о том, что каждый из нас несет в себе глубокую экзистенциальную травму, так называемую «травму сепарации». Будучи прочно связанными с матерью, находясь в ее чреве, мы внезапно отделяемся от нее во время родов, и тогда эта связь рвется и уже никогда не восстанавливается полностью. Поэтому глубинное стремление к воссоединению с матерью играет огромную роль в нашей жизни: оно проявляется и в употреблении наркотиков, и в поисках суррогатов этой связи в искусстве, и в уходе в

религию, и – особенно в наше время – в романтической любви. Иными словами, идея романтической любви потому содержит в себе так много энергии, что она подпитывается из нашего глубинного и всеобщего экзистенциального чувства сепарации, и тех благ, которые мы получаем от современной цивилизации и культуры, совершенно недостаточно, чтобы восстановить эту утраченную вневременную связь.

Содержание книги «Грезы об Эдеме» составляют мои рассуждения о бессознательной религиозности любви в ее самых разных проявлениях. Ее название, разумеется, является метафорой, смысл которой – архетипическое стремление человека к возвращению «домой» и воссоединению с Другим. Романтическая влюбленность – это культурная форма такой «религии», ревностные приверженцы которой существуют во всем мире. Но влюбленность – это не любовь. Любовь, конечно же, существует, но достичь ее очень трудно, а в процессе ее достижения приходится решать очень много проблем.

Эта книга написана для того, чтобы понять очень важные вопросы, связанные с психодинамикой межличностных отношений, и по возможности максимально их прояснить, чтобы каждый из нас постарался наиболее полно осознать свои отношения с окружающими. Задуматься над тем, кто мы и что происходит у нас внутри и в наших отношениях с другими, – это, наверное, самое лучшее из того, что мы можем сделать для другого человека: жены, друга или ребенка. Не

осознавая той «внутренней программы», которая заложена у нас глубоко внутри, мы можем причинить вред тем людям, которым мы говорим о своей любви. В процессе борьбы со своими внутренними «спутниками» мы освобождаем свои отношения с другими людьми для проявления того самого важного и самого редкого чувства, которое мы называем любовью.

Джеймс Холлис

Хьюстон, штат Техас, США

Сентябрь, 2005

Предисловие: кардинал за моим окном

В моем домашнем кабинете две с половиной стены стеклянные, а на стенах, где нет окон, висят книжные полки и картины. Вот уже два года к моему окну прилетает птица – самец-кардинал – и стучит клювом в окно, и это происходит регулярно – два, а то и четыре раза в день. Хотя у меня на подоконниках всегда что-нибудь стоит, указывая на возможное препятствие, птица уже много месяцев практически ежедневно продолжает стучать клювом в мое окно. Сейчас уже и мои пациенты привыкли к ее шумному появлению. Одна моя пациентка, которая пыталась установить близкие отношения с очень напуганным и пассивным мужчиной, глядя на этого кардинала, однажды сказала: «Я так же, как он, бьюсь головой о какую-то невидимую стену. Я его вижу, но не могу до него достучаться». В тот день кардинал оправдал свое «священное» имя, ибо женщине многое стало понятно и она даже посмеялась над собой.

Некоторые самозванные орнитологи придумывали разные теории, объяснявшие такое поведение кардинала. Одни считали, что он очень агрессивен и желает подраться с себе подобным, отражение которого он видел в оконном стекле. Другие давали прямо противоположное объяснение, с кото-

рым был согласен и я, независимо от того, соответствовало ли оно действительности. Они считали, что кардинал потерял свою спутницу и ему казалось, что он нашел ее. Полный радости и неутоленной страсти, он периодически устремлялся к ней и каждый раз, оглушенный, отскакивал назад. Года два назад я видел его подругу и весь его выводок, но с тех пор подруга больше не появлялась, поэтому второе объяснение было мне гораздо ближе и не давало покоя. Если это действительно так, то такая картина не может не вызывать душевной боли. Значит, он такой же, как и мы.

Хотя было понятно, что он упорно не желает менять свое поведение и смириться с потерей, я продолжал фантазировать, что он сможет все-таки осознать происходящее, то есть понять, что он очарован своим отражением в оконном стекле. Я фантазировал о том, что он точно знает: его спутница покинула его навсегда, но он продолжает стучаться в эту невидимую стену, потому что продолжает ее искать и не теряет надежды. И так будет всегда.

Во время Второй мировой войны, когда я был еще ребенком, существовала очень популярной песня «Час пробил». В ней были строки, которые врезались мне в память:

Скоро ты будешь плыть
Где-то в далеком океане.
И там вдалеке,
Пожалуйста, помни обо мне.
А вернувшись, ты увидишь,

Что я тебя жду.

Я специально приходил на перрон, чтобы видеть, как уезжали на фронт солдаты и матросы, и понимал, что означали публикуемые в газетах списки убитых, раненых и пропавших без вести, а также золотые звезды, которые появлялись на окнах¹. Почему-то (я могу лишь догадываться о причине, но не могу ее понять) я однажды запел эту песню на улице и громко разрыдался, но при этом мне совсем не было стыдно. Только сейчас я могу сказать, что тогда, задолго до полного осознания смысла привязанности и потерь, тревоги сепарации, тоски и невозполнимой утраты я каким-то образом понимал, что в этих строках песни выразилась вся глубина нашего душераздирающего странствия.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки, кардинал продолжает биться в стекло, не прекращая своих тщетных усилий. Так же, как мы.

¹ Золотые звезды в окнах домов означали, что живший в этом доме солдат погиб на фронте. – *Прим. пер.*

Введение

Все отношения начинаются и заканчиваются разрывом, отделением, сепарацией. Кровеносная система матери соединяет нас с пульсом и ритмом космоса. Затем мы разрываем связь с Матерью, отделяемся от космоса, отделяемся от богов, отделяемся навсегда. И мы завершаем все отношения с людьми посредством отделения, которое мы называем смертью. Эта жуткая, ухмыляющаяся гостья является даже на брачную церемонию, напоминая счастливой паре, только что поклявшейся во взаимной и вечной любви, что, дав эту клятву, каждый из них дал свое согласие на потерю другого.

Слишком, слишком скоро один из них покинет другого – и, говоря об этом, я совершенно не имею в виду развод. Согласно статистике, мужчины умирают приблизительно на семь лет раньше женщин. Но может случиться так, что женщина уйдет из жизни первой. Заранее никто не может предугадать, что по капризу судьбы при возвращении из соседнего ресторанчика кому-то из них на голову упадет кирпич. Что бы ни случилось, от утраты отношений будут страдать оба человека. Если они оба погибнут в авиакатастрофе, мы сможем сказать, что они были вместе, но все-таки в конечном счете каждый человек теряет другого и страдает от утраты отношений с ним или, по крайней мере, от утраты наиболее осязаемого внешнего выражения этих отношений – прояв-

ления доброты и заботы.

Наверное, еще более важно, что супругам придется жить, постепенно ощущая глубинную и едва заметную утрату взаимоотношений. Во время своего жизненного странствия они будут страдать главным образом от потери связи с лучшей частью своего Я. Мы живем в отчуждении от окружающих нас людей, от богов и – что хуже всего – от самих себя. Интуитивно мы все это понимаем. Известно, что человек – злейший враг самому себе. Мы постоянно стремимся воссоединиться со своим Я, вернуться домой, но затем снова покидаем свой дом, правда, на сей раз делаем это иначе. Наверное, у нас уже нет того дома, куда бы мы могли вернуться. Нам нельзя вернуться в материнское чрево, хотя мы пытаемся сделать это, и лишь очень немногие из нас верят в царство небесное. Поэтому мы всегда живем бездомной жизнью, независимо от того, осознаем мы это или нет.

Последние несколько лет осенью, зимой и весной я проводил половину выходных дней вне дома: читал лекции, участвовал в семинарах и симпозиумах как в Северной Америке, так и за границей. Как бы ни называлась лекция или презентация, больше всего вопросов было связано с взаимоотношениями между людьми. Свидетельствует ли это о важности подобных отношений? Безусловно, да. Свидетельствует ли это о том, что они слишком переоценены? Безусловно, да. Существует ли нечто глубинное, требующее переформулировать эти насущные, часто неотложные вопросы, нечто, что

помещает их в более широкий контекст? Да, безусловно, да.

По сути, эта книга представляет собой эссе, посвященное психодинамике взаимоотношений. В ее основе лежит чисто эвристический замысел; он заключается в том, чтобы спровоцировать определенные мысли и реакции, а также чтобы несколько скорректировать широко распространенные фантазии об отношениях между людьми, которыми пропитана вся наша культура. Книга вовсе не предназначена стать практическим руководством для формирования человеческих отношений. Скорее мои усилия были направлены на то, чтобы побудить читателей к более глубокому осознанию природы межличностных отношений, заставить их задуматься о повышении личной ответственности за отношения с окружающими и вызвать стремление к личностному росту, а не к вынашиванию фантазий о своем спасении за счет других. Кто-то из читателей будет разочарован моими мыслями, и в общем-то я сам испытываю от них не слишком большой восторг, но все же я уверен, что они гораздо более этичны и практичны, чем большинство альтернатив, которыми пропитана наша массовая культура.

В книге я употребляю понятия *самость* (которое в данном случае означает Я) и *Другой* (с заглавной буквы, в смысле отличный от Я, не-Я). Я делаю это для того, чтобы отделить универсальную составляющую отношений от полоролевой или культурной детерминанты. Поэтому понятия Я и *Другой* можно применять и к отношениям людей одного по-

ла, и к гетеросексуальным отношениям.

Понятие *самость* не следует путать с понятием *Самость* (которое пишется с заглавной буквы и было введено Юнгом для обозначения целостной целенаправленности всего человеческого организма); его значение соотносится с нашим осознанным ощущением, кем мы являемся на самом деле, невзирая на тот факт, что мы можем осознать лишь малую толику того великого таинства, которое мы воплощаем. Сходным образом слово *Другой* пишется с большой буквы, как напоминание об огромных, космических масштабах, которые может принимать образ другого человека в мифологии нашей психики. Для ребенка родитель как Другой так же бесконечен, как идея Бога для взрослого. Использование этих терминов становится, таким образом, напоминанием об универсальной, архетипической динамике взаимоотношений, несмотря на тот очевидный факт, что любые отношения уникальны, на любое из них сильнейшее влияние оказывают специфические особенности времени, культуры, родительской семьи и т. п.

Кроме того, я иногда буду пользоваться понятием *брак*, которое относится не к формальным супружеским отношениям, а к глубинному согласию, существующему между двумя людьми любого пола или сексуальной ориентации. В клятве супружеской верности нет никакой определенности, но она предназначена для выражения серьезности намерений, их глубины и нацеленности на длительную перспекти-

ву. Одно из негласных условий брака состоит в том, что проблемы следует выявлять и прорабатывать, а не скрывать и замалчивать, «чтоб истинной любви не запятнать каким-нибудь воспоминаньем ложным»².

Изучение этой темы ставит нас перед необходимостью исследования многогранного характера межличностных отношений. Нам следует признать, что характер наших отношений с окружающими определяется нашими первыми отношениями, которые мы когда-то интериоризировали и ощущаем как бессознательные, феноменологические отношения, в том числе и к самим себе. Из этих отношений к нам приходит ощущение глубины, движения и запрограммированности всего остального. Таким образом, нам придется исследовать происхождение нашего ощущения самости, из которого развивается наше отношение к себе, взаимодействие с другими людьми и, наконец, с Совершенно Другим, то есть с трансцендентностью.

Если и есть какая-то одна идея, которая является общей для всей книги, то эта идея заключается в том, что *качество всех наших отношений с другими прямо зависит от того, как мы относимся к себе*. Поскольку, как правило, все отношения формируются на бессознательном уровне, то драма и психодинамика нашего отношения к другим и к трансцендентному отражают особенности нашей индивидуальной психики. В таком случае *лучший способ усовершенствоваться*

² Шекспир В. Сонет 72 в переводе С. Маршака. – Прим. пер.

свои отношения с другими и с трансцендентным – максимально полно осознать свое отношение к себе.

Эта деятельность не имеет ничего общего с нарциссизмом. По сути, это самое ценное, что мы можем подарить Другому. Чем лучше становится наше Я, тем более ценным даром оно оказывается для других. Следовательно, мы пришли к следующему парадоксальному выводу: если мы хотим поддерживать хорошие отношения с другими, нам следует идти по жизни своим собственным путем.

Глава 1

Прощание с Эдемом: рождение самосознания

Предания об утраченном Рае были во все времена, и это совсем не случайно. Иногда эта катастрофа описывалась как лишение благодати, изгнание или разрыв. Иногда как наказание за какие-то людские грехи, иногда как прихоть богов. Никто никогда не утверждает, что лично бывал в благословенных райских кущах, но порой ссылаются на предыдущие поколения, на дальних предков, анасази³. Эти «исторические люди», пребывали в Райском Саду, а мы, современные люди, постоянно чувствуем себя изгнанными из Рая, отчужденными от него и лишенными права на возвращение.

Возможно, эта родовая память – неврологическая голограмма родовой травмы нашего отделения от матери, от которого нам никогда не оправиться полностью. Возможно, ключ к осознанию – это наличие в Райском Саду двух деревьев, о которых говорится в Книге Бытия. Одно из них – Древо Жизни; другое – Древо Познания. Плоды первого съедобны, но тот, кто съест плод со второго дерева, пойдет

³ Анасази (что на языке индейцев племени навахо означает «древние») – древняя индейская цивилизация XII века до н. э., о существовании которой свидетельствуют наскальные росписи, рисунки и даже стихи. – *Прим. пер.*

по безрадостному пути изгнания из Рая. Двигаясь от Древа Жизни, то есть от жизни инстинктивной, к Древу Познания, воплощающему рождение цивилизации, человечество проходит путь от внутренней похожести подобного с подобным к индивидуальному сознанию, которое может возникнуть только в результате отделения субъекта от объекта.

Никто не помнит, когда появилось сознание, когда первые осколки опыта установили связь с другими осколками, когда *это* стало противопоставляться *тому*, а Я отделилось от Ты. Но в результате этого непредсказуемого и неизвестного процесса возникло «ощущение Я», то есть Эго, которое было таким хрупким, что ему пришлось утверждать себя посредством временных идентичностей и высокомерия. Претендуя на роль Хозяина Вселенной, оно трепещет при появлении болезненных теневых воспоминаний о своем происхождении. Как быстро оно подвергает рационализации десятки и сотни тысяч своих адаптаций, свои длительные погружения в первозданную грязь и возвращения на поверхность! Как оно пугается, что его задвинут назад и вниз!

Смысл понятия *самости*, которое ввел Юнг, отделив его от Эго, заключается в почитании таинства, существующего в каждом из нас. Самость, как и Бог, по своей сути непознаваема. Поэтому следует говорить и о таинстве Бога, и о таинстве самости. Самость – это не объект и даже не цель; самость – это действие, это процесс. Джерард Мэнли Хопкинс прекрасно выразил эту мысль в своем стихотворении:

Каждый смертный делает одно и то же:
Извлекает наружу все, чем он живет.
Самость идет своим путем; я говорю об этом четко и
ясно,
Кричу: то, что я делаю, – и есть я, для этого я и пришел⁴.

Самость – это целенаправленность организма, телеологическое намерение стать самим собой, насколько это вообще возможно. Как в корневище растения содержится весь цветок, так и единая самость организма выражается в совокупности его корня, стебля, лепестков, пестика и тычинок. Самость непознаваема, хотя ее целенаправленность можно увидеть в разных формах телесного выражения: аффектах, мыслях, симптомах, образах сновидений и т. д. «Считывание» целеполагания самости – это основная задача юнгианской терапии; предполагается, что оно является ключом к исцелению человека. Поскольку самость воплощает целостность организма и его таинственную автономную деятельность, мы никогда не сможем познать ее глубже, чем пловец может познать океан или мыслитель постичь Царство Небесное. Следовательно, хрупкое Эго должно наполниться «ощущением» самости, которая всегда останется непознаваемой и непостижимой.

Поэтому мы всегда обладаем только частью знания, хо-

⁴ As Kingfishers Catch Fire // A Hopkins Reader. P. 67.

тя можем искренне полагать, что понимаем себя целиком и полностью. По сути, нет большего безрассудства, чем такое проявление гордыни. В греческой трагедии происходит землетрясение, когда главный герой заявляет, что полностью познал себя. В тот момент можно быть абсолютно уверенным в том, что боги приступили к своей работе – вернуть человека обратно в состояние истинного смирения, звучащего в сократовских вопросах. Юнг говорил, что невроз похож на обиженного или отвергнутого бога, имея в виду, что степень выпячивания той или иной стороны Эго человека отражает степень отрицания им глубины, широты и многомерности проявления самости.

Как только заканчивается время грез в Райском Саду, шок сепарации оказывается таким сильным и вызывает такое потрясение, что след утраченной связи отпечатывается на всей нервной системе человека и сохраняется в его бессознательном. Неслучайно первичным мотивом, скрытой программой любых отношений является стремление вернуться обратно. В мечтах о самом главном, в грезах о Рае в лирике поэтов-романтиков выражена тоска по Возлюбленной. По сути, это религиозное искание, что подтверждает этимологический смысл слова «религия», которое является производным от латинского слова *religare*, означающего «восстановить связь» или «воссоединиться».

Осознание достигается только через потерю Другого и ощущения, что Другой – это действительно Другой. Здесь

лежит причина младенческого плача, в этом смысл известной картины Эдварда Мунка «Крик». Посмотрите, как страшно младенцу, которого отнимают от материнской груди. Посмотрите, как он ее ищет, сосет и жаждет ею насытиться, чтобы снова с ней соединиться. А значит, заботливое, внимательное отношение к ребенку и его кормлению постепенно формируют у него: 1) уверенность в присутствии Другого; 2) постепенное отделение от матери. Можно с уверенностью сказать, что главная психологическая задача родителя состоит в том, чтобы максимально облегчить и подготовить переход ребенка к полной сепарации, к состоянию, которое называется взрослостью. То, каким образом родитель отвечает на этот вызов, определяет самый значительный его вклад в психологическое наследие ребенка. Формирование у ребенка уверенности в себе в процессе постепенного «рассставания» – в этом состоит парадоксальная задача родителей.

По Юнгу, цена осознания сопоставима с ценой, которую заплатил Прометей: за спасительный огонь, украденный у богов, ему пришлось заплатить кровью. Ежедневно ребенок делает еще один шаг, удаляясь от воспоминаний о Райском Саде. «Рождение – лишь забвение и сон»⁵, – написал Вордсворт об увядающем Рае. Или же, как вспоминает Дилан Томас:

⁵ Ode: Intimations of Immortality from Recollections of Early Childhood // The Norton Anthology of Poetry. P. 552.

Ничуть не заботило меня в те простодушные
светлые дни, что время
Утащит меня на чердак, заглывающий
толпы людей, где тени шевелятся
В свете никогда не заходящей луны,
Не для того, чтобы тихо заснуть,
А чтобы я слушал его полет в заоблачных высях
И бодрствовал среди куш, навеки покинув
бездетную землю⁶.

Похищение огня у богов – это мифологическая метафора зарождения сознания и культуры. Вместе с тем это зарождение становится причиной невроза – внутреннего расщепления между субъектом и объектом, Я и Другим. Так как бремя сознания все время возрастает и ребенку становится все сложнее его нести, ему крайне необходимо знать, что нужно сделать, чтобы перенести свою привязанность на другой объект, если это возможно, а если нет – то как ему выжить. Он начинает «считывать» мир, чтобы распознавать его послания, начинает понимать, чему этот мир может его научить и какие задачи он ставит перед ним. Это считывание имеет феноменальную природу, то есть, говоря современным языком, строится на ощущениях, а не на рациональных и когнитивных процессах. Феноменологическое чтение мира создает эмоциональную сферу ребенка, из которой постепенно

⁶ Fern Hill // Ibid. P. 1181.

складывается структура его личности и формируются стратегии выживания.

Ни одному родителю не удастся полностью решить эту задачу, то есть быть с ребенком в контакте и вместе с тем постепенно от него отдаляться. Поэтому, как только родитель исчезает из поля зрения младенца, тот начинает горько рыдать. Даже когда ребенок отвлекается или успокаивается, он не забывает о том, как плохо ему было ощущать себя в одиночестве. Оказавшись по воле судьбы в той или иной семье, ребенок может лишь считывать с помощью определенных информационных указателей послания окружающего мира. Такое считывание обязательно будет неполным, то есть ограниченным отношениями в семье, без осознания того, что существует огромное разнообразие других возможных моделей. Но такое ограниченное понимание окружающего мира позволяет принимать огромное число самых разнообразных решений, прежде чем сознание разовьется до уровня, позволяющего сопоставлять разные точки зрения. По существу, боги дают ребенку преломляющую свет призму, через которую он должен смотреть на окружающий мир, и на основе увиденного делать выбор и жить в этом мире. Такая призма формируется особенностями психологической атмосферы конкретной семьи и культурными наслоениями, которые можно распознать только значительно позже, если можно распознать вообще.

С самого рождения мы начинаем считывать непосред-

ственные отношения своего Я с Другим. Ребенок ощущает свою связь с Другим или ее отсутствие, и экстраполированное ощущение этой связи становится основой его представления о мире в целом. Является ли эта связь надежной и защищающей или же непредсказуемой и даже болезненной? Не будет преувеличением сказать, что вся жизнь человека есть результат феноменологического считывания таких скрытых посланий. Мы знаем, что при недостаточно прочной связи с матерью или полном ее нарушении у младенцев развивается так называемая анаклитическая депрессия. Эти младенцы более склонны к задержкам интеллектуального и психического развития и к тяжелым заболеваниям с угрозой для жизни, чем дети с более богатой эмоциональной подпиткой. Поскольку природа дает жизнь детскому организму и побуждает его к борьбе за выживание, кажется странным, что ощущение этой связи с Другим играет такую ключевую роль. Но все-таки это так.

Точно так же ребенок задействует другие каналы считывания, чтобы понять, что говорят люди, находящиеся вокруг него. Уже в шестинедельном возрасте, глядя на лицо родителя, младенец эмоционально отражает его настроение, имитируя страх, депрессию, радость и т. д. В это время ребенок не только ищет точку опоры в физической реальности, но и примеряет на себя эмоциональную реальность Другого. Вообще дети находят в поведении взрослого указания на то, чего можно ждать от целого мира. Например, будучи ребенком

во время Второй мировой войны, я ощущал, что все взрослые люди вокруг меня испытывали тревогу. Если даже они, такие всемогущие, способны были испугаться, то я мог сделать только один вывод: тот мир, в который я пришел, представляет большую опасность.

Более того, наблюдая поведение взрослых по отношению к детям и по отношению друг к другу, ребенок получает не только представление о том, как устроен мир, но и скрытое послание этого мира. Ребенок не может сказать: «Папа сегодня угрюмый, потому что у него неприятности на работе», — или: «Мама сегодня в депрессии, но я здесь не при чем». Образ мышления ребенка относится к такому типу, который психологи и антропологи называют *магическим мышлением*, характерным для так называемых первобытных культур, детей и вообще для людей, находящихся в состоянии регрессии.

Магическое мышление характеризуется высокомерием и паранойей. Так, ребенок уверен, что по его желанию мать может плохо себя почувствовать или заболеть или что болезнь вызывает не вирусная инфекция, а плохое поведение. В инфантильном мышлении отсутствует способность к субъект-объектной дихотомии. Младенец проецирует свой страх и невежество на весь мир, неправильно интерпретирует факты и приходит к умозаключениям, основанным на своем всемогуществе. Быть может, только через несколько десятков лет этот ребенок сможет осознать, что не он был причиной

семейных проблем, что поведение его отца и матери никак не было связано с ним лично, а порождалось атмосферой, к которой ему приходилось приспосабливаться. Как правило, в трехлетнем возрасте Эго ребенка укрепляется настолько, что у него формируется первичное ощущение Я, а в пятилетнем возрасте Эго обретает такую силу, что ребенок может отделиться от семьи и присоединиться к компании сверстников⁷.

Кроме такого феноменологического считывания мира, которое сужает и искажает видение человеком самого себя и окружающих его людей, существуют и другие переживания, которые оказывают огромное влияние на его будущие отношения. Как само рождение оказывается чем-то напоподобие гигантской системной травмы, так и экстремальные случаи повседневной жизни вызывают разнообразные травмы: травмы «переизбытка» и «недостаточности», эмоционального поглощения или заброшенности. Английский психиатр доктор Дональд Винникотт ввел понятие «достаточно хорошего» родителя, которое позволяет нам исправить наши родительское поведение. И все же основным источником дет-

⁷ Последние данные о развитии детей в яслях и детских садах свидетельствуют о том, что эти дети являются более социализированными, более развитыми и более независимыми, чем дети, которые остаются дома. Зато они острее ощущают и сильнее переживают, если работающий родитель не проводит с ними время, когда они встречаются дома. Следовательно, такие дети быстрее адаптируются, развивают ощущение собственного Я, которое более независимо от Другого, однако древняя неопределенность и скрытый навязчивый страх, свойственный людям нашей культуры, прячутся достаточно близко к поверхности.

ских травм являются родители. Так как все мы просто люди, наша природа, которая далека от совершенства, обязательно будет влиять на ребенка и оставит неизгладимый отпечаток на его психике. Любому терапевту известно, что все причины прекращения личностного развития и проблем в межличностных отношениях обычно проясняются в процессе исследования детско-родительских отношений, которые интериоризировались в форме комплексов⁸.

Разумеется, жизнь в этом мире не позволяет избежать эмоциональных травм, да это и нежелательно. Однажды в газете «Сиэтл Пост-Интеллидженсер» я прочитал об одном забавном случае. В статье говорилось о некой английской паре, которой было отказано в усыновлении ребенка по той причине, что, «к сожалению», они были слишком счастливы в браке. Им отказали потому, что они не смогут создать в семье атмосферу, в которой у ребенка было бы достаточно негативных переживаний, а потому они не смогут его воспитать так, чтобы он был готов жить в реальном мире. Огромный опыт работников этого сиротского приюта привел их к выводу, что ключевыми составляющими развития человеческого Я являются способность переносить мучительные страдания и умение к ним адаптироваться. Так оно и есть. У каждого из нас есть эмоциональные травмы и соответствующие

⁸ Существование автономных комплексов было открыто Юнгом. См.: The Association Method. Experimental Researches // CW 2; а также: Review of the Complex Theory. The Structure and Dynamics of the Psyche // CW 8.

щие им скопления энергии, ибо у каждого из нас есть своя индивидуальная история. Но тогда встает еще более глубокий вопрос: несем ли мы в себе эмоциональные травмы или они движут нами?

Такие комплексы, в особенности родительское имаго, – это аффективно заряженные образы, наполненные уникальной, дискретной энергией, которая накапливалась на протяжении индивидуальной истории. При активизации комплексов их энергия достигает такого уровня, что подавляет Эго человека и совершенно меняет его чувство реальности. Родительские комплексы обычно оказывают наибольшее влияние, так как именно они формируют у человека первичное ощущение отношений с окружающими и остаются их главной парадигмой. Повторяю, что именно из-за субъективных искажений при «считывании» этих первичных отношений невозможно преувеличить степень влияния родительских комплексов на характер последующих отношений.

Не бывает полностью алогичного поведения. Оно всегда логично, а точнее – *психо*-логично, если мы можем распознать аффективное состояние, из которого оно проистекает. Кроме того, общеизвестно, что наша реакция на определенного вида эмоциональную травму может повлечь за собой диаметрально противоположные стратегии поведения. Рассмотрим, например, две категории типичных детских травм, а именно эмоциональное поглощение и заброшенность. Каждая из них может стать источником совершенно разных по-

веденческих стратегий. Согласно французской поговорке, *les extremes se touchent* (крайности сходятся), ибо в своей основе все они имеют общую психо-логику.

Хотя было бы явным упрощением относить любую эмоциональную травму к одной из двух категорий «переизбытка» или «недостаточности», в каждом конкретном случае следует подумать и посмотреть, не связана ли травма с фундаментальной динамикой эмоционального поглощения или эмоциональной заброшенности. Человек с эмоциональной травмой любого вида может бессознательно выбрать адаптивную стратегию поведения, диаметрально противоположную той, которую в данной ситуации «выбрал» другой человек. Трагедия современной психотерапии заключается в том, что в большинстве случаев она, по сути, не является психологической, то есть не прослеживает поведения человека до самых его истоков, находящихся в его душе (таково основное значение слова *психика*). Корректировать поведение человека, не понимая лежащей в его основе психодинамики, – значит оставаться на поверхностном уровне. Человек может изменить свое поведение и свои убеждения, но тогда его душевная травма найдет другой, быть может, более искусный способ внешнего выражения.

Рассмотрим травму эмоционального поглощения или переполнения. Так как границы детской психики очень проницаемы, ребенок подвергается воздействию мощных внешних сил. Например, если мама пребывает в депрессии или папа

сердится, поведение родителей и создаваемая ими эмоциональная атмосфера вторгаются в пределы детской психики. В 30-х годах XX века Юнг не устал повторять: «Родители постоянно должны сознавать, что они сами являются главным источником невроза своих детей»⁹. Хуже того, на психику ребенка влияют не только особенности родительского поведения, но и многие другие факторы, которые они даже не осознают. Юнг приводит следующее объяснение:

Как правило, самое сильное психологическое воздействие на ребенка оказывает та жизнь, которую не прожили его родители (и все остальные предки, ибо здесь мы имеем дело со старым, как мир, феноменом первородного греха)¹⁰.

Под «первородным грехом» Юнг подразумевает пренебрежение душой, которое лежит в начале семейной истории и последствия которой сказываются на последующих поколениях. «Родители бессознательно увлекают детей, – замечает он, – именно в том направлении, где может быть достигнута компенсация всего того, что они не смогли реализовать в своей жизни»¹¹. Детская психика очень восприимчива, но, если лишить ее способности реагировать, ей придется поглощать все, что она воспринимает. Тогда, замечает Юнг,

⁹ Introduction to 'Wicke's Analyse der Kinderseele'. The Development of Personality // CW 17. Par. 84.

¹⁰ Ibid. Par. 87.

¹¹ Marriage As a Psychological Relationship // Ibid. Par. 328.

...дети так глубоко вовлечены в психологические отношения своих родителей, что не стоит удивляться, что первопричиной подавляющего большинства детских нервных расстройств является нарушение психологической атмосферы в родительской семье¹².

Может ли ребенок, захваченный потоком внешней реальности, реагировать иначе, чем ощущая свою беспомощность в отношениях с Другим? Вспомним, что мы прослеживаем этиологию развития отношений, удалившись на десятки лет от тех первоначальных ощущений человеком самого себя и Другого. Интериоризированным образчиком этих отношений, их сердцевинной является ощущение беспомощности. Например, именно по этой причине дети, оказавшиеся жертвами насилия, став взрослыми, могут вступить в брак с насильниками и практически не допускают возможности уйти от них. Это вовсе не значит, что они любят этих насильников; все дело в том, что запрограммированная беспомощность находится значительно глубже, чем боль, причиненная насилием. Любой социальный работник может подтвердить: прежде чем жертва сможет покинуть насильника или добиться ограничений его влияния, обычно должно произойти несколько серьезных конфликтов. Сначала жертвы попытаются найти рациональные причины для объяснения совершенного над ними насилия. Такая рационализация за-

¹² Introduction to 'Wicke's Analyse der Kinderseele'. The Development of Personality // CW 17. Par. 80.

щищает их не от насильников, а от непомерного давления первичных детско-родительских отношений; таким образом, совершенно непреднамеренно они вступают в заговор против самих себя и продолжают жить не только с насильниками, но и со своей детской беспомощностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.